Шилова Оксана Николаевна –доцент кафедры права и общеобразовательных дисциплин Дальнегорского индустриально-экономического института, (филиала) Дальневосточного государственного технического университета (Дальневосточного политехнического института им. В.В. Куйбышева), соискатель (г. Дальнегорск). E-mail: diei@mail.ru

Повседневная жизнь провинциального города: к историографии проблемы

Историографическое рассмотрение накопленных научно-исторических знаний в русле обозначенной проблемы представляет собой фундаментальную базу для продвижения к детализированным комплексным исследованиям в России и её регионах в XXI веке, которые ранее в парадную картину успешного строительства социалистического общества не вписывались. Так, за пределами исторической науки долгое время оставался очень важный аспект развития общества в советский период – проблема повседневной жизни, – который активно к тому времени развивался в русле зарубежных исторических, гуманитарных и социальных наук.

Ключевые слова: повседневность, феноменология, субкультура, антропология, быт.

Первоосновой к рассмотрению модной антропологической темы за рубежом послужила « Психология обыденной жизни» З. Фрейда, труд, в котором он попытался объяснить множество мелких, но крайне любопытных эпизодов из будничной жизни человека, феноменологически описать отдельные моменты человеческого бытия («болезнь», «езду на машине», «кризис жизни» и модные ныне проблемы «способов преодоления трудных жизненных ситуаций») [7]. Изучаемые формы поведения человека из социально-исторического контекста и из текучести моментов индивидуальной жизни, связанных друг с другом прочными смысловыми связями, привели к созданию ряда теорий в психологии повседневности – Э. Фрома, Х. Томэ и его коллег по Боннскому научному кругу. Последние анализировали все автобиографические рассказы, сопоставляя их с событийной канвой общественной жизни, и пришли к нетривиальному теоретическому выводу: конкретно-исторические условия существенным образом детерминируют переживания и способы решения жизненных проблем.

Весьма популярными как для зарубежных исследователей, изучающих историю повседневной жизни, так и для перспективных исследований российской исторической школы 1990 – начала 2000-х годов стали научные наработки Э. Фрома и Х. Томэ. Томэ предложил исследовать в едином «смысловом горизонте» описываемые жизненные эпизоды социально-психологических феноменов в их обусловленности, стоящей за ними

биографией и «детерминацией новых идей и надежд». Э. Фром предложил изучать те глубинные человеческие потребности (разум, волю, эмоции), которые не могли получить адекватного самовыявления из-за того, что конкретно сложившееся общество, та или иная форма социального общежития мешали им, оттесняли их или направляли их в ложное русло [11]. «Образ жизни, обусловленный особенностями экономической системы, превращается в основополагающий фактор, определяющий характер человека, ибо властная потребность самосохранения, по утверждению Э. Фрома, вынуждает его принять условия, в которых ему придётся жить» [11].

Стремление обрести себя и установить подлинно личностные отношения с другими людьми всегда выражалось, по Фрому, либо в духовной пассивности, вызывающей стадность поведения, либо замещалось тяготением к «идолам», ложным ориентирам, используемым индивидом для выработки иллюзорого представления о себе самом. Но и в этом, и в другом случаях, утверждал всемирно известный психолог, равно довлеет комформизм. Этот вывод легко объясняет, почему в определённых кругах российской исторической школы и после крушения СССР слабо преодолевался ортодоксальный социально-экономический подход и определённая конъюктура к историческим исследованиям. Кроме того, широта и сложность обобщаемого материала, заимствованного из современной российской и зарубежной обществоведческой школы, долгое время не привлекала исследователей к изучению проблемы в комплексе, хотя определенные наработки в области группового сознания уже появились в России в конце 1990-х – начале 2000 годов.

В работах историков А.Е. Иванова, Н.П. Волоковых, А.Л. Никифоровой были исследованы субкультура и общественно-политическое поведение, обыденное сознание советских граждан в условиях официальной пропаганды [3, 1, 6]. Наибольший интерес из работ представлял труд историка русской культуры А.Е. Иванова, в котором рассматривались те аспекты жизнедеятельности студенчества, которые определили его социальную психологию, субкультуру и общественно-политическое поведение. Для выявления социокультурного феномена – студенчества – автором были взяты в оборот мотивация выбора профессии выпускниками разнотипных средних учебных заведений в контексте ментальной среды, из которой они вышли, нормативные принципы, «технология», регуляторы приёма абитуриентов в высшую школу, социальное и национальное структурирование состава студенчества, его правовой статус, материально-бытовое положение (бюджет, питание, жилищные условия, одежда, состояние здоровья и возраст), география размещения, статистика.

«Открытие» повседневности, её изучение произошло в той части европейской и отечественной науки, которая оказалась связанной с традицией школы французских «Анналов». Пристальный взляд исследователей на стереотипы советской и постсоветской обыденности открывали наблюдателям характерные черты, присущие участникам быта и растворённые в бессознательном каждого человека, принадлежащего русской

культуре. Они изучали её семиотические, символические и социальные системы, за которыми стояло городское пространство и в котором текла жизнедеятельность очевидцев событий. Взаимоотношения людей, формы их психопатологии, представления горожан о жилище и быте, о справедливом распределении обязанностей и благ, навыки добывания товаров в условиях их дефицита, представления о нравственных нормах и речевое общение – всё это становилось предметом исследования, область которого возможно определить как «антропология повседневности» (этнография и политика), интеллектуальный бестселлер [8, 4]. Благодаря развитию новой науки, «знакомые» сюжеты жизни оказывались неизвестными. За ними скрывались «смыслы», о существовании которых многие участники изучаемой эпохи и не подозревали. Через специальные исследовательские процедуры учёные усматривали в поведении людей определённую систему категорий, которая от этих людей была скрыта и которой они пользовались большей частью неосознанно.

Антропологическое описание скрытых особенностей русского быта в столичном и провинциальном городе давали в своих повествованиях иностранцы, путешествовавшие по России в XIX – XX веках [5, 2]. Классическая же русская этнография того времени занималась «народными» традициями, исследуя при этом трациции не всего народа, а только определённой его части – крестьянского населения страны.

В отечественной этнографии XIX века наблюдалось романтическое любование русской стариной, историки рассматривали жизнь не такой, какая она есть, а такой, какая она «должна была быть». Народный быт являлся почти что священным понятием, о нём, как о покойнике, можно было говорить только хорошо. Если у А. Терещенко и других «первых этнографов» середины XIX века быт включал практически все сферы жизнедеятельности (хозяйственный быт, религиозный быт т. д), то в трудах этнографов конца XIX столетия он был разложен на составные части. Одни исследователи занимались «духовным бытом» – изучали верования, обряды, обычаи, народные знания и пр., другие исследовали «материальный быт» – жилище, одежду, пищу, транспорт и др. Соединить разошедшиеся части культуры российским историкам не удавалось, хотя неоднократно предпринимались попытки создания обобщающих трудов, но эти обобщения носили механический характер, потому как под одной обложкой собирались сведения о материальных и о духовных аспектах культуры (позже Л. Февр назвал это «системой комода», где всё разложено по своим ящикам»). Лучшим в этом своде работ был труд Д.К. Зеленина «Восточнославянская этнография», написанный по заказу немецкого издательства «Walter de Gruyter» в 1927 году на немецком языке. Русский перевод работы появился лишь в 1991 году. В этом труде присутсвовали элементы синтеза. Например, параграф «Обычаи и суеверия, связанные с жилищем» в разделе о жилище, новые разделы «Семейная жизнь» и «Общественная жизнь» – непривычные для такого рода работ. Семейная жизнь понималась как обряды жизненного цикла: роды, крещение, свадьба, похороны, а общественная – как общинные

обряды, коллективные работы, собрания молодёжи и др. Для описания жилища, одежды и пищи Д.К. Зеленин использовал выражение «внешний быт». Однако исследования компентарного «внутреннего быта» здесь не предполагалось, он не входил в предмет этнографических исследований.

Советская этнография оказалась достойной преемницей предшествующих традиций. Принцип «как должно быть» не только сохранился, но и приобрёл новое качество: на первом плане должно было быть общественное, а не индивидуальное. Частный быт ограничивался рамками семьи. В памятнике советской этнографической мысли, коллективной монографии «Село Вирятино в прошлом и настоящем», вышедшей в 1958 году, под бытом стали пониматься семейные отношения (распределение ролей в семье, распорядок дня, характер питания, отношение к труду др.). Описание изменений жизни за годы советской власти представляло в работе несомненный интерес, но не столько для истории повседневности, сколько для понимания того, как решались идеологические задачи. Быт стал рассматриваться в качестве той сферы, куда, в конечном счёте, должны были проникать ценности «высокой» культуры и большой политики. В описание структуры советской повседневности в обязательном порядке включались данные о чтении газет и журналов, прослушивании радиопередач, праздновании советских праздников и отмирании вредных пережитков.

Под бытом городского населения понимали, в первую очередь, быт рабочих. Его предлагалось изучать по принципиально сходной схеме. В 1981 году исследователи М.Г. Рабинович и М.Н. Шмелёва в этнографическом изучении домашнего быта рабочих предлагали «описать хозяйство семьи; распределение обязанностей между её членами; содержание, воспитание и обучение детей; распорядок дня семьи; особенности домашнего досуга; место для чтения и других культурных занятий (музыка, живопись); межсемейное общение; народные знания; трудовой и праздничный календарь; домашние способы лечения людей и животных; совершенствование медицинской помощи и другие сюжеты» [10].

В эру обобщающих трудов советской этнографии и борьбы с «мелкотемьем» изучение деталей жизни было невозможно, и потому филологи взялись за разработку теории знаков и знаковых систем. С 1962 года появляются научные труды, посвященные знакам рекламы, уличному движению, гаданиям на картах, описанию повседневности (бытовых предметов, одежды, еды, вин, норм поведения) декабристов, а также чиновников и дуэлянтов пушкинской эпохи. Эти работы изменили представления о том, что такое культура и каково наполнение этого понятия. При всей вариативности конкретных определений культуры в семиотических исследованиях («знаковый механизм», «ненаследственная память коллектива», «сверхиндивидуальный интеллект» и др.) подобного рода понимание исключало её противопоставление повседневности. Более того, повседневность естественным образом оказывалась включённой в культуру и принадлежала к числу её базовых составляющих.

В 1999 году этнограф Я.В. Чеснов по-новому взглянул на сущность этнографического исследования и заключил, что это есть построение целого от частного, из «мелочей» и через раскрытие этого целого как большого смысла единичного, специфического. Ссылаясь на современные наработки зарубежных исследований в области быта повседневности, он сделал вывод о том, что исследователь должен как можно более полно («насыщенно» – если применять терминологию Гирца) и непредвзято описать ту или иную ситуацию, создать определённый нарратив и осознавать при этом, что речь идёт о его представлениях по поводу представлений других людей. В «западных» исследованиях того времени активно развивалось направление позднего Р. Барта, Ж. Деррида и П. Бурдье, где речь шла не о сугубом быте – вязком, текучем и «бессобытийном», а о «живом», об эксцессах, нарушающих те стороны быта, которые обычно в жизни не замечаются. Необходимый уровень отстранения в современных зарубежных исследованиях достигался через ориентацию историков на событийность, их позицию иностранца, подкреплённую особым языком описания и особым «вывихом ума», отличающим одарённого исследователя от простого [10]. В одной из первых российских работ этого направления, в исследовании И.В. Утехина, вышедшем в 2004 году, определённые аспекты культуры, поданные им через историко-культурный комментарий, ориентированный на те подтексты повседневного быта, которые были сформированы гораздо раньше исследуемого времени, но в которых эти конкретные аспекты повседневности неожиданно раскрывались или проявлись, уже приобрели небходимую глубину [10].

Исследования социальных «изнанок», «искажений» социалистического быта в годы строительства коммунизма по идеологическим канонам в советское время были запрещены, и потому изучение этих проблем стало насущным. Сегодня возникла необходимость в исследованиях, в которых через фиксацию фактов особенностей образа жизни исследуемого объекта будет выявлена организация среды обитания и то, как строилось повседневное поведение, разворачивающееся в изучаемой среде, каковы были отношения людей и какие формы принимало их взаимодействие. В исследованиях будет выявлена не только «этимология» форм поведения, но и их синхронный актуальный смысл, объяснён исследуемый феномен через обращение к его «историческому» истоку и будет показано, как этот феномен понимается в категориях носителей данной культуры, как он осознаётся ими, какой смысл можно ему приписать в наблюдаемой системе деятельности. Диахроническое же представление той или иной формы поведения в рамках данного подхода ревалентно лишь постольку, поскольку оно отражает память носителей – и отражено в их представлениях о рациональности. «Всякая упоминаемая деталь в таком исследовании, – по словам историка А.К. Байбурина, – будет иметь определённое отношение к целой картине, и как раз целостностью этой картины и окажется мотивированное появление той или иной детали из моря подробностей, которое предстаёт перед наблюдателем в любом явлении. Данные исследования лишены

статистической достоверности, автор подбирает их по своему усмотрению, т. е. интуитивному ощущению того, что данный факт показателен и потому заслуживает внимания. В поле такого исследования повседневности находятся отдельные области системы представлений: организация и восприятие пространства жизнедеятельности (трудовой, досуговой деятельности, жилища), понятие о коллективной доле и принципах справедливости, идеи «чистого» и «грязного», «своего» и «чужого», представления о личной сфере индивида и нормах общения между людьми, о природе конфликтов и способах их разрешения» [10].

В современной зарубежной историографии первые толкования социальных проблем социальной истории, такие как бедность, невежество, сумашествие и болезни, было дано в Британии более тридцати лет назад. Историки сосредоточивали внимание не столько на людях, испытавших на себе эти болезни, сколько на связанных с ними «проблемах» для общества в целом; они изучали реформаторскую деятельность частных филантропов по созданию благотворительных учреждений, в частности школ, сиротских приютов и больниц, а также возрастающую эффективность государственного вмешательства в социальную сферу, начиная с середины XIX века. Под социальной историей тогда подразумевалась и история повседневной жизни – дома, на рабочем месте, в привычном окружении. Многие из подобных работ выдержаны в элегических тонах: чувствуется сожаление о доиндустриальной эпохе, когда повседневная жизнь не подавляла человека своими масштабами и соответствовала естественному ритму, не вызывая отвращения перед уродствами городского бытия, присущими современности. Несмотря на пламенную приверженность английских исследователей «рабочему делу», их труды почти не испытывали влияния марксизма, а главной целью было стремление привить рабочему движению коллективное самосознание; они добивались её не в рамках новых теорий (для чего марксизм, конечно, был бы весьма пригоден), а в историческом опыте самого рабочего класса на протяжении предыдущего столетия – материальной и социальной обездоленности, традиции самозащиты и борьбе за повышение зарплаты и улучшение условий труда. История рабочего класса имела тенденцию к существованию в своём особом мире, мало влияя на тех, кто не был связан с самим рабочим движением. Но, благодаря этому политическому контексту, труды по истории рабочего класса продолжают создаваться, правда, под новыми названиями, вроде «истории снизу» или «народной истории». Изначально история рабочих играла важную роль в движении «Историческая мастерская», возникшем в 1970-х гг. как форум академических и местных историков на базе Раскин-Колледж в Оксфорде, тесно связанных с профсоюзным движением. Сегодня она отводит более важное место другому новому течению «оппозиционной» истории – истории женщин. Наибольшее влияние история женщин оказала на общую социальную историю в области изучения семьи. Усилилось внимание исследователей к внутренней динамике развития семьи, которая рассматривалась в тесной взаимосвязи с такими вопросами, как власть,

воспитание и зависимость. Реальность потребовала пересмотра общественных представлений о жизни мужчин и детей внутри семейного круга. В результате появления этих разнообразных трудов вся область частной жизни – в отличие от «публичного» мира традиционной истории – стала сферой научного анализа.

Ныне в социальной истории историческая наука претендует на изучение социальной структуры общества. На фоне стабильной социальной структуры особое значение приобрели и стали объектом серьёзного внимания историков социальная мобильность и урбанизация. Урбанизация потребовала специального изучения не только в её экономическом аспекте, но и как процесс социальных перемен, включая ассимиляцию иммигрантов, появление новых форм социальной стратификации, углубление различия между работой и отдыхом и т. д.; важные новаторские исследования на этот счёт были проведены в Америке, да и в Британии «городская история» стала теперь важной специализированной отраслью [9].

Литература и источники:

1. Волоковых, Н. П. Общественное сознание граждан СССР на оккупированной терррритории северо-запада РФ в годы Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук / Н. П. Волковых. – СПб, 2002. – 25 с.

2. Жид, А. Возвращение из СССР: два взгляда из-за рубежа / А. Жид, Л. Фейхтвангер ; пер. с франц. А. Ф. Лапченко. – М. : Политиздат, 1990. – 272 с.

3. Иванов, А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-политическая судьба / А. Е. Иванов. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЕН), 1999. – 414 с.

4. Крадин, Н. Н. Политическая антропология : учебник / Н. Н. Крадин. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Логос, 2004. – 272 с.

5. Кюстин, А. Николаевская Россия / А. Кюстин ; пер. с франц. – М. : Политиздат, 1990. – 352 с.

6. Никифоров, А. Л. Феномен вождя в официальной пропаганде и обыденном сознании 1945 – 1956 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / А. Л. Никифоров. – СПб, 2002. – 24 с.

7. Психология социальных ситуаций (психология повседневности) : хрестоматия по психологии / сост., общ. ред. Н. В. Гришиной. – СПб. : Питер, 2001. – 416 с.

8. Рис, Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Н. Рис ; пер. с англ. Н. Н. Кулаковой, В. Б. Гулиды. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 368 с.

9. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош ; пер. с англ. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2000. – С. 121.

10. Утехин, И. В. Очерки коммунального быта / И. В. Утехин. – 2-е изд., доп. – М. : ОГИ, 2004. – 277 с.

11. Фром, Э. Бегство от свободы / Э. Фром ; пер. с англ. Г. И. Шверника. – М. : Прогресс, 1990. – 272 с.